

ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ МИХАЙЛОВНЫ НАКЛЕЙЩИКОВОЙ

13 мая 1951 – 14 марта 2021

П.А. Богатина
главный бухгалтер ООО «Устюггазсервис»

Любовь, восхищение и благодарность – вот то, что я чувствую! Но и, конечно, острую боль от потери Друга и Учителя...

Лет 8 назад мне очень повезло познакомиться и начать заниматься у Людмилы Михайловны итальянским языком. И я сразу полюбила своего невероятно педагога, невероятно по энергии и силе, невероятно по красоте души!

Это огромное счастье, что помимо занятий мы чудесно проводили время вместе, ходили на кинофестивали на итальянском языке, на фильмы на английском, например на Шекспира или Метрополитен Опера.

Мы много гуляли, ходили на выставки и концерты, в кафе... И говорили, часами говорили на разные темы, философские, глубокие, а иногда и не очень, делились впечатлениями от книг, фильмов, вкусной

еды, поездок, от погружения в культуру других стран. Помню, вернулась из очередной поездки в Грецию и похвасталась Людмиле Михайловне набором слов вежливости, которые успела там «схватить», после чего получила от нее в подарок целый урок о любимом греческом, который она учила «для себя», и о его невероятном влиянии на русские и другие языки. Мы редко ограничивались только итальянским, частенько Людмила Михайловна проводила параллели с латынью, голландским, французским, английским... А юмор! Какое же потрясающее было чувство юмора у нее! И как это было приятно – вместе хотеть на занятиях и в гостях! Сколько же радости от общения и познания я испытала! Благодарность моя не имеет границ! Любимая Людмила Михайловна, Вы навсегда в моем сердце!

О.В. Бурчевская
журналист газеты «Красный Север», Вологда

Помните, Катерина в «Москва слезам не верит» с ужасом думала: что было бы, если в тот судьбоносный вечер она осталась ночевать у Тоси или села на другую электричку? Ведь тогда бы она не встретила своего Гошу! Вот и я так же вздрагивала не раз: если бы в далеком 1986 году судьба занесла меня не на иняз (а на филфак или физвос – сомнения были), то мы могли бы (о ужас!) не познакомиться с ней – Людмилой Михайловной Наклейщиковой.

Нашу 13а группу она сразу взяла в ежовые рукавицы. Была строгой, требовательной, в какие-то моменты даже жесткой – по первости это пугало (тут уже впору вспомнить Женю Лукашина: «Вы мне поначалу ужасно не понравились!»). Но как-то быстро мы «притерлись», а со временем и сдружились: сломя голову неслись к ней на пары, с охоткой штудировали любимый английский – вместе нам было радостно и хорошо. За глаза мы звали ее Люсей – без капли фамильярности, любя. Она об этом знала и даже, было дело, предложила к ней так обращаться (вне занятий). Но язык у нас не повернулся – слишком велик был ее авторитет.

В советские годы, когда «железный занавес» был еще плотно закрыт, «носителей языка» мы и в глаза не видели. Аутентичная английская речь звучала только в песнях бессмертных «The Beatles» и модной в то время группы «Modern Talking». Их-то мы и переводили вечерами в уютной Люсиной однокомнатной квартире. Это сейчас достаточно вбить название в поисковик – тут же выскочат и ноты, и слова. Тогда же, устроившись на полу вокруг выдавшего виды магнитофона, мы по сто раз мотали пленку туда-сюда, чтобы разобрать на слух отдельные словечки и фразы. Потом записывали их, учили и гордо пели на переменах: «Michelle, mabelle...». Такие посиделки случались нередко. А 13 мая, обнаглев, мы завалились к Люсе всей группой – поздравить ее с днем рождения. Гости тогда покорно встали и ушли, освободив студентам праздничный стол – видимо, такое им было не в новинку.

На втором курсе, помнится, наше здание иняза закрыли на ремонт, а нас перевели в соседнее на проспекте Победы (там, где филфак, истфак, ест-гео). Мы, «иностранны», учились во вторую смену (с 12, с 13–50), столовка, бывало, уже не работала, и обед в большую перемену превращался, как сказали бы сейчас, в настоящий квест. За 40 минут нам нужно было сбежать вниз, выстоять очередь в гардеробе, одеться, примчаться в центр города, найти точку общепита, выстоять еще одну очередь, перекусить, а затем проделать все это в обратной последовательности. При этом кафешек на каждом углу тогда и в помине не было. В лучшем случае в «тошниловках» можно было

«закинуться» слипшимися рожками с хлебной котлетой, а в худшем – стоя перекусить «язвочками и пойлом». Для непосвященных: это жареные в масле пирожки, их еще называли «гаечки» (по ощущениям в желудке), и мутная жижа, именуемая «кофейным напитком». Понятно, что 40 минут на обед не хватало. «Ну что, опоздаем на пару?!» – на правах преподавателя вопрошала Люся. «Опоздаем!» – радостно вопили мы в ответ... Все это знаний не отменяло – мы и в столовках общались по-английски. А еще устраивали «дни без русского языка». Помню удивленные взгляды в автобусе, когда продираясь к выходу сквозь толпу, мы просили других пассажиров: «Please, let me pass»...

Нам было по 19, а ей 37, но вчерашним школьникам она не уступала – по задору, энергии, оптимизму и какой-то юной бесшабашности. Вечерами мы вместе катались на великах, штурмовали лошадь Батюшкова (каюсь!) и всякие «малые архитектурные формы». «А поехали к моей подруге в Сокол чай пить», – как-то предложила она. «А поехали!» И мы истово крутили педали обычных дорожных великов (40 с лишним км в одну сторону) по сумеречной трассе в брызгах КамАЗов. «Ой, а велосипеды-то вы на чем привезли? На поезде, автобусе, машине?» – собирая на стол, не могла взять в толк ее подруга... Тогда, помнится, мы вернулись в Вологду в 4 утра – дома меня ждала хорошая взбучка.

Не забыть и поездку в Дикую – на дачу к ее брату Андрею (30 км в одну сторону). Майское солнышко вовсю припекало, и мы, скинув лишнее, рулили в купальниках – загорали (дорожных маньяков в СССР не было). Мы пересекали по трассе втроем (я замыкала эту маленькую колонну), а проезжавшие мимо водители громко сигналили, махали руками, смеялись. Причем, адресуя все именно мне. И это было очень странно. Первой и главной всегда и везде у нас была она, Люся. Веселая, изящная, обаятельная, эрудированная, интеллигентная, она невольно привлекала всеобщее внимание. И это было так естественно – о каком-то соперничестве не могло быть и речи (я только что не записывала за ней все подряд, как Левий Матвей за Иешуа). А тут мне – и улыбки до ушей, и одобрительные жесты. Нет, что-то не так, беспокоилась я, и не зря.

Разгадка нашлась быстро. Зайдя мне в тыл, Люся принялась в голос хохотать. И меня осенило: еще пару дней назад я валялась дома с простудой, а матушка лечила меня банками. В то время это была популярная экзекуция, которой боялись все дети (и не только). Длинную палку с бинтом макали в спирт, поджигали, прогревали ею банки, которые, впиваясь в спину, оставляли на ней жуткие сине-красные пятна.

*Слева направо, сверху: Тема Рыжаков, Оля Бурчевская, Оля Дайн, Лена Симанович, Вика Протасова, Оля Балувеская.
Внизу: Людмила Михайловна Наклейщикова, Наташа Ивашкина, Таня Зайцева, Маша Львовская*

Такие, вместе с бретельками от купальника, красовались, как выяснилось, и на моей спине (как я могла позабыть?!), вызывая бурный смех участников дорожного движения. Хохотали и мы тогда, помнится, долго – до слез, до упаду, до колик в животиках. От загара пришлось отказаться в пользу рубашки...

Купальный сезон по традиции мы открывали в начале мая – когда в реке еще плавали льдинки. Однажды под Молочным, взбодрившись в ледяной воде, Люся гуляла по лужайке, плела веноч из одуванчиков, любовалась первыми бабочками. А я, уткнувшись в тетрадку, зубрила: назавтра был назначен зачет по фонетике (у нее – Люси). «Ой, надоело учить», – спустя какое-то время заныла я (чужая на этом празднике жизни). И предложила в шутку: «А может, по дружбе Вы мне так зачет поставите, автоматом?» «Учи-учи, – засмеялась она. – С тебя спрос особый, двойной – никаких поблажек».

Она была принципиальна, но, вместе с тем, с ней было легко и комфортно – будто не было разницы в возрасте, статусе и прочих вещах. Когда я одевалась не по погоде, она выдавала мне свою куртку. Когда засиживалась допоздна – уступала мне половину дивана. А когда мне было плохо, у нее находились слова сочувствия и поддержки. Помню, на пятом курсе, когда впервые на экзамене по английскому мне поставили «4» (а не «5»!) с формулировкой «за небрежность речи», я побежала к ней плакаться на «вселенскую несправедливость». И она мою обиду разделила. А вот на свои трудности Люся никогда не жаловалась. Даже со сломанным пальцем она каждый день старательно хромала на занятия в босоножках не по сезону – в другую обувь с распухшей ногой ей было не

влезть. Идти к врачу она и не собиралась – некогда. Да что к врачу – она жалела даже времени на сон. Говорила, что за эти пять-шесть часов, потерянных впустую, можно столько всего сделать и узнать!

То же самое касалось и еды: проголодавшись, мы варили макароны (чаще «с таким») – других продуктов в стране Советов не было. Точнее, их можно было «достать по благу» или биться за ними в длинную очередь. Но мы не желали тратить на это жизнь – пустые макароны нас вполне устраивали. Столь же непритворной в еде, насколько я знаю, Люся была и потом, когда полки супермаркетов ломились от товаров. После занятий она заходила в кафешку («Зачем я буду дома жарить-парить?»), а как-то я встретила ее в магазине покупающей... вареную свеклу. «Уж очень тут овощи вкусные варят», – на мой удивленный взгляд засмеялась она.

Увы, после вуза мы потерялись (заботы, невзгоды, проблемы), хотя и жили в одном городе. Людская молва доносила, что Люся в порядке: преподает, путешествует, учит новые языки (она даже вьетнамцев учила, когда те в большом количестве приехали в Вологду на работу). А когда мы случайно встретились спустя много лет, я радостно кинулась ей на шею: «Людмила Михайловна, Вы ни капельки не изменились!» «Ладно-ладно», – смеялась она и рассказывала о своих студентах: кто женился, кто работает в школе, а у кого сын ушел в армию. Она всех помнила – по имени и в лицо. «Ой, опять я Вас не поздравила с днем рождения, хотя знаю – он 13 мая!» – причитала я при очередной встрече. Она улыбалась в ответ: «И я твой знаю – 10 мая, но тоже не поздравила. Но мы ведь посылали друг другу импульсы и их чувствовали!» И что удиви-

тельно, мы их действительно посылали. И что еще удивительней, мы их действительно чувствовали!

После филологического факультета привыкнуть к учебе на факультете иностранных языков мне было трудно. На филфаке читаешь постоянно, при этом – как бы ты ни старался – всегда остается то, что очень бы хотелось прочитать, но в сутках всего 24 часа. На инязы же домашнее задание воспринималось как символическое. Кому-то требовались минуты. Я в школе учила немецкий язык, за английский взялась за три месяца до вступительных экзаменов, поэтому учить приходилось все. При этом волновалась, как разные аспекты преподавания (фонетика, грамматика, учебник) сложатся в реальное владение языком. Встреча с Учителем расставила все по своим местам.

Чтение и обсуждение для Людмилы Михайловны Наклейщиковой было потребностью. Она читала много – на разных языках. У нее были друзья по всему миру, и лучшим подарком для нее всегда были книги. В иностранном отделе Областной библиотеки, где она была завсегдатаем, новые книги, журналы, газеты, кассеты шли прямо ей в руки. Она хорошо знала русскую и мировую классику и недоуменно смотрела, когда ты не был в курсе качественных новинок.

В Практике устной и письменной речи я особенно любила подраздел Home Reading (сейчас домашнее чтение уходит, и мне очень жаль): группа выбирает книгу, каждый читает за неделю 30–60 страниц, и на занятии вы обсуждаете прочитанное. В этом подразделе был еще один – Individual Reading: ты сам выбираешь книгу (страниц 500 в семестр), а потом рассказываешь о прочитанном, отвечаешь выученные 500 слов, оказавшихся новыми для тебя. Сразу стало понятно, что чем больше читаешь, чем больше слов учишь, тем увереннее растет твой английский, и читала я много разного: от Библии (параллельный перевод Нового Завета на русский и английский получила

Дорогая Людмила Михайловна, я Вас люблю! И Вы прекрасно это знаете. Такой, как Вы, больше нет и будет! Вместе с Вами ушла и частичка меня (их все меньше, этих частичек). Уже нет смысла «пилить опилки», ругать бешеный жизненный ритм и сожалеть об упущенном – поздно... Надеюсь, в следующей жизни нам не придется крутиться, как белка в колесе, чтобы заработать на кусок хлеба (ремонт зуба, новые ботинки). Там, в райских кушах, думаю, все будет иначе: тихо, размеренно, благостно. Вы будете сидеть среди цветов в окружении любящих и любимых студентов – в их число надеюсь попасть и я. Вместе мы будем совершенствовать английский язык, учить французский, голландский, итальянский и немножечко греческий. И снова петь бессмертные песни «The Beatles»...

Л.В. Егорова

*доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка ВоГУ*

в подарок) до англоязычных стихотворений Набокова, которые заучивала наизусть. Художественную литературу читала, не считая страниц. Как и на русском, это стало необходимостью, правда, сначала слова приходилось учить списками, но постепенно шквал новых слов спадал.

Людмила Наклейщикова в 6 классе

Людмила Михайловна стала проводником и к непосредственному общению на английском. В Вологде она помогала, казалось, всем: миссионерам (переводами их выступлений и заботой), бизнесменам (к ним в фирмы отправлялись работать лучшие знатоки языков), деятелям культуры и искусства (кто лучше нее мог кропотливо переводить каталог картин, где каждое название требует раздумий), врачам (вместе со своими учениками переводила их выступления на

конференциях) и – усыновляющим сирот, вынужденным решать дела через суд, обращаться за помощью к нотариусу. Она была настолько во всем органична, что только, когда ты начинал что-то делать сам, понимал, как это трудно, а иногда и вовсе невозможно. Последовательный и синхронный переводы были для нее естественными. Письменные – откладывала на время, чтобы отлежались, – перечитывала спустя день-два. Талантливых учеников она всегда поддерживала и в итоге уступала им место, радуясь успехам.

Л. Наклейщикова в институте

Преподаванию, переводу, общению, чтению Людмила Михайловна посвящала все свое время. Она была хорошей хозяйкой, но предпочитала не тратить драгоценное время – купить готовое. Общение ценила. Если ты испытывал неловкость, понимая, что нарушаешь ее предельно плотный график работы, давала понять, что ей отдых тоже необходим, а потому – «Давайте обсудим»...

Благодаря ей я начала переписку с друзьями, влияние которых стало определяющим на всю жизнь. Она являлась воплощением принципа, что нет ничего невозможного – было бы желание. С ней ты воочию видел, насколько тесен мир: на самолете, летящем в Штаты, ее обнимали те, кому она когда-то помогла. В районе Лыкокомбината вьетнамцы за несколько десятков метров широко улыбались, распахивая объятия: «Учительница!» («ч» и «ц» звучали не совсем чисто, и она потом объясняла, что фонетика сложна для них). С ней здоровались на тропинках в Парке Мира и в Кириках. Прямо из реки или пруда приветствовали купающиеся.

И... да, она открывала для тебя не только свой дом, но и родных, друзей. Мама Роза Ивановна и Николай Нилович непременно хотели усадить за гостеприимный стол; показать их всегда цветущие цветы (это у них семейное). Брат Андрей с супругой Раисой стали своими. Когда спрашиваешь о любимых племянниках Михаиле и Александре, Андрей показывает фото уже шести внуков.

К англичанке Джейн Поуви, у которой Людмила Михайловна училась в Питере, она непременно захо-

дила с поддержкой, привозила в Вологду ее книги (тогда только начинали издавать написанное носителями языка).

Людмила Михайловна любила путешествовать

Ханс Боланд, нидерландский славист, переводчик, писатель и замечательный человек, преподавал родной язык в Вологде – отсюда любовь к этому языку Людмилы Михайловны. Родители Ханса пригласили ее в гости в Нидерланды и сделали все, чтобы она, преподававшая Лингвострановедение и внушавшая всем ученикам вполне английские трепет и благоговение, наконец увидела Великобританию. В США, Италии и других странах она к тому времени уже побывала.

А в Вологде тем временем проникались Нидерландами. Любовь Николаевна Солодухина, руководитель Вологодской книжной палаты, бывшая заведующая иностранным отделом ВОУНБ, рассказала: «С Хансом Боландом я заочно познакомилась через Людмилу Михайловну, как и по-настоящему с Нидерландами, с языком и обычаями. Через нее мы узнавали о его успехах в литературе и переводах. Через нее же профессор передал курсам голландского, которые мы с Л. Наклейщиковой впервые организовали в начале 2000-х в иностранном отделе Областной библиотеки, свой учебник нидерландского и литературу для чтения на языке. Не забуду, как мотивировала нас Людмила Михайловна к изучению языка: приводя в

Летняя школа в Оксфорде летом 1996 г.

пример папу Ханса Бена Боланда, который взялся за изучение нового для себя языка, кажется, шведского, когда ему было далеко за 80 лет. Она всегда могла найти нужные слова, мотивы, вдохнуть жизнь и поддержать в любом деле.

приобретенную и прочитанную книгу несла в дар библиотеке. По числу книжных даров с ней не мог сравниться, наверное, никто. А ее любознательность, дружелюбие, чувство юмора... Всегда с улыбкой, всегда в поиске, вечно юная...»

*Сертификат Оксфорда и Британского Совета
о Летней школе*

Сколько книг в фонд иностранного отдела библиотеки передала Людмила Михайловна! Зная то, что оригинальной литературы на языках всегда не хватало (Вологда переживала тогда настоящий бум изучения иностранных языков), она практически каждую

В последние годы преподавания, когда открывались колоссальные информационные ресурсы, мне казалось, Людмила Михайловна все чаще внутренне недоумевала. Как всегда, были ребята, жаждущие знаний, но были и те, кто хотел хороших оценок, не желая понять, что знание языка дается кропотливым ежедневным трудом. Меня поразил вопиющий случай, когда молодой человек приехал разбираться к ней домой – требовать «удовлетворительно». На лестничную площадку обеспокоенно выглянула соседка – удостовериться, не нужна ли полиция. Деканат тогда поддержать преподавателя не захотел. И – на этом фоне – удивительным для меня было ее отклонение приглашения перейти на работу в фирму. Потенциального работодателя восхищали ее ответственность и надежность, работоспособность и скромность; ничуть не смущал предпенсионный возраст. Осознавая мизерность приближающейся пенсии, Людмила Михайловна отказалась, понимая, что больше пользы принесет, передавая знания, умения, опыт будущим учителям и переводчикам.

Бесконечная благодарность Учителю! Светлая память!

А.В. Преображенский
зав. кафедрой английской филологии ВГПУ 1993–2003
Т.Е. Преображенская
Л.Е. Кириллова

Есть много людей, которые требовательны к другим; гораздо меньше тех, кто в такой же степени последовательно требователен к себе, во всем. Все больше и больше появляется жаждущих путешествовать и смотреть на мир, но далеко не все ставят перед собой гораздо большую задачу – изучать этот мир через язык, через книги, через друзей. Во все времена существовали знающие и подготовленные преподаватели, но очень немногим удается привить

у своих учеников любовь к своему делу, к своему предмету, и тогда возникает особая связь, которую никогда не разорвать, ни временем, ни расстоянием. Такие люди вызывают восхищение никогда не угасающей энергией, энтузиазмом, азартом к жизни. Тем более тяжело, когда они уходят из этой жизни, но никогда из памяти. Людмила Михайловна была нашим учителем, коллегой и другом. Светлая память.

В кафе «Парижанка» с Н.Ф. Бондарь, Татьяной и Андреем Преображенскими

В.М. Сулова
учитель МОУ СОШ № 6

Мы были первыми студентами в ее карьере в высшей школе. И как-то сразу поняли, что это не похожий на других преподаватель. Она и, правда, была особенным человеком – честным, открытым, знающим свое дело, требовательным к другим, но в первую очередь к себе.

Сопровождала приехавшего к нам в Вологду голландского переводчика произведений А.С. Пушкина Ханса Боланда. Побывала в Голландии, самостоятельно изучила голландский язык, потом преподавала его в языковой школе. Именно ее голландские друзья организовали ей поездку в Британию, с удивлением обнаружив, что преподаватель такого высокого класса не бывала в стране изучаемого языка.

Позже изучила итальянский, потом обучала желающих, сама ездила не раз в Италию. Ее одинаково рады были видеть в вологодском музее Красный мост, в американской семье учителей, на занятиях по подготов-

ке к международным экзаменам, на конференции врачей или юристов. Да где угодно! Она излучала свет. Она была надежным и мудрым наставником. Энциклопедией в языке. Образцом специалиста высшей пробы.

Сколько помню, на кухонном окне у нее стояли разные растения, в разнокалиберных горшках. Одни были крошечными, другие – слишком вытянувшимися, а потому подпертыми палочкой и для верности даже привязанными к ней простой тесемкой. И всех их она любила, нежно поливала, следила, чтоб на листьях не оставалось капель, потому что бивший почти весь день в ее окна солнечный свет на Герцена, 45 мог обжечь. А они бывали такими неказистыми и даже неинтересными.

Так и с нами – каждый пришедший пообщаться получал такую порцию внимания и любви, что казался себе в эти минуты единственным и неповторимым для нее...

Светлая память.

Людмила Михайловна была одним из лучших преподавателей, которых я встречала в своей жизни, и мне невероятно сложно поверить, что ее больше нет с нами.

Я никогда не видела человека, который был бы так увлечен изучением иностранных языков и культур, который бы не терял мотивацию – даже когда казалось, что все высоты уже достигнуты. А ведь такой пример значит куда больше, чем любые слова.

Ее уроки всегда были потрясающе насыщенными: голова взрывается от количества информации, и ты готов работать еще в 3 раза интенсивнее. Людмила Михайловна действительно была очень требовательной. Ни один другой преподаватель не задавал мне столько домашних заданий. Подготовить пересказ, написать сочинение, прочитать огромный текст, выучить миллион новых слов... А по дороге домой мне вполне могла прийти смс-ка: «Еще 2 страницы вот той грамматики, Вы же помните, да?» Но результат говорил сам за себя.

Ради ее уроков я прогуливала лекции, готова была не спать полночи и отказаться от каникул. При этом Людмила Михайловна всегда беспокоилась обо мне и пыталась заставить отдохнуть хоть чуть-чуть – по крайней мере, не заниматься 3 января, например, или уйти хотя бы на месяц на летние каникулы.

Ее вдохновенные рассказы о путешествиях можно было слушать бесконечно. И если я приходила к ней «на часок» после какой-нибудь ее поездки, то мы неизменно просиживали до самого вечера.

Меня всегда поражал не только огромный кругозор Людмилы Михайловны, но и ее желание постоянно развиваться. Например, она часто читала книги на том иностранном языке, которым меньше всего пользовалась в данный момент. А еще, я восхищалась ее любовью к природе, к прогулкам, катанию на велосипеде и лыжах. В каникулы я могла написать ей какую-нибудь понравившуюся цитату из книги, а она отвечала через неделю со словами, что извиняется за долгое молчание – была в деревне, наслаждалась лесом, природой... И я, провалявшаяся на диване все это время, чувствовала угрызения совести.

Людмила Михайловна всегда с радостью училась у своих учеников. Знала, что я люблю спорт, и просила приносить списки футбольных терминов и других околоспортивных словечек. Или присылать совре-

менный рэп с использованием определенной грамматики. А как-то раз посоветовалась со мной насчет перевода одного ругательного выражения с русского на итальянский. Я предложила несколько вариантов, и она ответила: «Марина, откуда Вы такие слова знаете?» – «Так... Вы сами меня им научили, Людмила Михайловна!» – ответила я. Язык, он... многогранен.

Но Людмила Михайловна открывала не только иностранные языки русскоязычным, но и русский – иностранцам. Мне особенно запомнились ее рассказы о том, как она учила вьетнамских мигрантов. Пару десятков лет назад в Вологду приехали сотни вьетнамцев в поисках лучшей жизни для своих семей. Контракты были очень жесткие: около трех лет они не имели права возвращаться во Вьетнам даже на несколько дней, должны были постоянно жить в Вологде. Им организовали обучение, и Людмила Михайловна вела одну из групп. С присущей ей скромностью она говорила, что хотела отказаться, сомневалась, справится ли. Ведь учить группу мужчин (образование у них раздельное) ей предстояло без языка-посредника. Людмила Михайловна вспоминала, что самым сложным было объяснить, что «Людмила» – это имя, а не перевод слова «учительница», так как во Вьетнаме принято обращаться к преподавателю именно «учительница».

Эти вьетнамские ребята вряд ли задумывались, у преподавателя какого уровня им довелось поучиться, но навсегда остались ей благодарны за то, что она стала их проводником в жизнь в России. И даже спустя много лет, встречая ее на улице, они здоровались и благодарили.

За несколько дней до смерти Людмилы Михайловны в одной итальянской песне я услышала такие слова: *gli invisibili che salveranno il mondo* («невидимки, на которых держится мир»). И подумала, что ведь они – и про Людмилу Михайловну тоже.

В Италии среди старшего поколения по-прежнему распространена такая примета: если ребенок подержится за руку светловолосой женщины, ему будет сопутствовать удача. Людмила Михайловна говорила, что бабушки на улицах в Италии нередко подводили к ней своих внуков. И думаю, что в жизни каждого, кого коснулась добрая рука Людмилы Михайловны, стало немного больше света. А ведь это, наверное, самое дорогое, что может оставить после себя человек. И я всегда буду ей за это благодарна.

Hans Boland

нидерландский филолог-славист, переводчик

Из письма Анне Манойловой:

Милая Аня,

Большое, большое спасибо за известие, хотя оно ужасно печальное. Если Люся уходит, вместе с ней уйдет моя последняя, глубокая, любимейшая связь с Россией. Как-то раз я уезжал из Вологды в Питер, а Люся, как всегда, меня провожала. Когда проводница, еще совсем молодая женщина, закрыла дверь вагона и поезд тронулся, она обернулась ко мне и сказала с восхищением: «Какая замечательная женщина!» «Особенная!» или что-то похожее добавила. Она ни словом не обменялась с Люсей и сумела поглядеть на

нее не больше пары минут... Люся на самом деле была уникальным человеком, уникальной доброты и эмпатии, и, вместе с тем, полным самого мягкого, самого интеллигентного юмора и ума. Неудивительно, что мои родители, мама и папа, оба вспоминали ее часто и всегда с большущей любовью. Если удастся, передай ей это, пожалуйста, Аня, и передай ей мою бесконечную благодарность за то, что она подарила мне, а также Ven en Graad и всем моим родным, которые были так счастливы с ней познакомиться. Ее душевное богатство не покинет меня никогда. Она и при жизни была ангелом.

Анна Манойлова (в центре) с Хансом Боландом и его мамой Градой. Санкт-Петербург

Sherri Brock Holzhausen

США

Celebrating the wonderful life today of my friend on the right in this picture, Lyudmilla Nakleishikova. She taught me so much more than Russian culture and language.

Today, through tears of joy and sorrow, I thank God for the life of my friend, Lyudmilla Mikhaelovna Nakleishikova.

I see her face through a train window waving goodbye. I see her waving goodbye from her apartment window after one of our long conversations. I see her delight in a book, a piece of chocolate, a letter from a friend. I hear her voice encouraging me to speak in Russian or sharing some piece of Russian history that she thought important for me to know. I remember her patience as she answered questions from me or other Americans visiting Vologda. I see her concern for the needs of others. I see

her intently challenging her students to rephrase their question, express their opinions and reflect on the changes around them. I hear her laughter as I tell her about something silly I said in Russian.

I met Lyuda in the post office in Vologda, Russia in September of 1993 as I was trying to buy stamps. Little did I know that from that moment on, she would become one of my dearest friends in Vologda. Through her, God opened my heart and my eyes to new experiences and new friends who have made my life richer, kinder, stronger, braver. Lyuda is that unique person sent by God to make life somehow more joyful and adventure-some. She never stopped learning. She never stopped teaching.

My heart is full of gratitude for our friendship. My heart somehow cannot imagine that my next trip to Vo-

logda will not include a cup of tea or coffee with my dear friend.

I am just one life God touched through Lyuda. There must be hundreds just like me whose lives will never be the same because of her. Thank you, God for her life, her joy, her laughter, her knowledge and her friendship.

May God comfort her family and friends in this loss. I am heart-broken that I cannot be there with all of you. I am filled with hope and comfort that God has welcomed her home. So, my dear friend, Lyuda, it is not goodbye that I say, but until we meet again. Светлая Память! До встречи!

Н.М. Исакова, Шерри и Л.М. Наклейщикова